Маленькая лгунья для большого полковника

Автор:
Ульяна Соболева

Маленькая лгунья для большого полковника

Ульяна Павловна Соболева

Кейтлин Грант – дочь известного нефтяного магната, скрывается от убийц отца. Вместо нее другую девушку столкнули под поезд, а у нее в руках оказались вещи и чужие документы. Теперь она вынуждена ехать в самую глушь Техаса, чтобы выдавать себя за невестку отставного полковника армии США, индейца по происхождению, живущего на одиноком ранчо, чей сын сейчас лежит в коме… и в любой момент обман Кейтлин может раскрыться. И это не считая того, что теперь она – мать трехмесячной малышки…а ее свекор – молчаливый, дикий Койот с повадками хищника и цепким звериным взглядом. Где-то будет забавно, где-то больно, где-то страшно. Но в основном тут бегают розовые единороги и нет никаких душераздирающих в клочья страстей. С этой книгой можно отдохнуть. Не совсем я. Но и такое настроение тоже бывает. Ловите розовых слоников.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Маленькая лгунья для большого полковника

О романе

Это необычная для меня история. Здесь нет жести как таковой по отношению героя к героине, но здесь есть властный и жесткий мужчина, здесь есть

большущая разница в возрасте, война характеров, менталитета и запретные чувства свекра и невестки.

Наглая, смелая, вредная, огненная и в то же время милая героиня-мажорка.

Отставной полковник армии США (индеец), вредный, с физическим недостатком, жесткий и властный.

Чужой ребенок, которого надо любить, кормить и никому не отдавать.

И маааааааленькая-большая ложь, которая отравит жизнь всем, кто с ней соприкоснется.

Где-то будет забавно, где-то больно, где-то страшно. Но в основном тут бегают розовые единороги и нет никаких душераздирающих в клочья страстей. С этой книгой можно отдохнуть. Не совсем я. Но и такое настроение тоже бывает. Ловите розовых слоников.

Это история однотомник. Я обещаю вам ХЭ.

Глава 1

– Это платье красное, а я хотела бордовое. Бордовое, понимаешь? Или ты дальтоник?

Кейтлин с треском содрала с себя новое платье и швырнула в лицо модистке.

– Папа заплатит за порванную ткань. Чтоб до завтра сшила мне новое, или твоего салона просто не станет. Пыф, и он исчезнет.

Зеленые глаза девушки сверкали злостью, идеально-ровные брови сошлись на тонкой переносице, а пухлые, по-детски изогнутые сердечком губы капризно поджались. На вид клиентке лет восемнадцать, не больше. Но это не имело значение. Создалось впечатление, что все, кто находились рядом, прижали уши

и хвосты, которых у них не было. И это совершенно естественно, ведь перед ними дочка Уильяма Гранта. Одного из самых богатых людей Америки. Только его имя заставляло людей судорожно сглатывать слюну и трястись от зависти, восхищения и страха.

– Я не успею до завтра. – возразила модистка, сжимая порванное платье в подрагивающих руках. Она не смотрела девушке в глаза. – И вы точно просили ярко-алый цвет. Вы сказали – цвета крови.

– Разве кровь ярко-алая? Я имела в виду бордовый. А не успеешь – значит, увольняй свой персонал и готовь бумаги о закрытии частного бизнеса. Дай подумать…почему его могут закрыть? – девушка осмотрелась по сторонам. – Нарушение мер безопасности? Ааа, нет, антисанитария… или еще лучше – неуплата налогов. Как думаешь, тебя просто оштрафуют или конфискуют все имущество?

Эстер опустила взгляд, сжимая ткань все сильнее. Никто и никогда не смел с ней так разговаривать. Она – одна из самых востребованных модисток современности с целой свитой преданных собачек, уважаемая многими знаменитостями, трепетала перед молодой девчонкой. Потому что знала – дочь магната Гранта способна на что угодно, и самое ужасное, что это «что угодно» сойдет ей с рук.

– Завтра и ни днем позже… и еще. Хотя бы раз услышу или узнаю, что ты кокетничала с моим отцом, я лично сожгу твою богадельню. И никто, слышишь, никто тебе не поможет. Ни актеришки твои, ни сенаторы, никто. Мой отец никогда с тобой не будет, ясно?

Перепуганные помощницы самой Эстер Каро бегали вокруг ценной клиентки, помогали надеть обратно ее наряд, который она небрежно скинула возле гримерной, застегнуть туфли, поправляли ее роскошную львиную гриву темно-каштановых волос. Никто из них и слова не промолвил. Все учтиво молчали и услужливо бросались на помощь. Если бы они могли – они бы вынесли Кейтлин на руках и целовали ее следы на асфальте. На сегодняшний день степень уважения и обожания измеряется только денежным эквивалентом и наличием иных материальных благ.

Юная Грант вышла из салона, на ходу набирая номер в своем сотовом самой последней модели маленьким пальчиком с длинным, острым ноготком перламутрово-розового цвета.

– Да. Я только что поставила эту ведьму на место. Она больше не посмеет приближаться к отцу. Нашла, на ком отрабатывать свои чары. Селедка дохлая.

– Ты выцарапала ей глаза?

– К сожалению, нет. Но, думаю, она мой визит запомнит надолго.

– А тебе не кажется, что твоему отцу одиноко, что ему нужно устраивать свою личную жизнь. Он молодой, красивый.

– У него есть мама…точнее, память о ней. Прошло слишком мало времени.

– Прошло пять лет. Более чем достаточно для того, чтобы…

– Давай сменим тему. Хорошо? Папе никто не нужен. Нам с ним прекрасно вдвоем.

– Ок. Тогда поговорим о приятном. Сегодня вечеринка в кампусе. Роджер устраивает крутую, охрененную движуху.

– Я все еще под домашним арестом после прошлой вечеринки. Так что…

Подруга рассмеялась, а Кейтлин Грант села в машину, не обращая внимание на услужливого водителя, который придержал для нее дверцу лимузина. Ее изящная, стройная ножка в туфле на высоком прозрачном каблуке исчезла в салоне автомобиля. Дорогая дизайнерская сумочка блеснула мелкими стразами.

– Ты обязана попасть на эту вечеринку. Там будет Эл Джей со своей группой. Целый бассейн шампанского и стриптизеры.

– Если удастся улизнуть от отца, то я приеду. Но если папарацци заснимут мою физиономию снова – меня лишат наследства и сошлют к троюродной тетке.

– И Эшли там будет тоже.

Кейтлин переложила сотовый с одной руки в другую, зазвенели тонкие золотые браслеты.

– Мне плевать на этого мерзавца.

– Зато тебе вряд ли будет плевать на его новую сучку – Салли Форд.

– Значит-таки с ней теперь мутит. Ненавижу эту тварь! Ладно. Если отец не вернется из Нью-Джерси, я попробую улизнуть из дома.

– Как твои пробы в Ти фор ю?

– Позвали на четыре кастинга. Пока думаю. Отец против моей карьеры модели. Он хочет, чтобы я училась на юриста, а потом работала в его компании.

– Завидую я тебе, Кейт. Сучка ты везучая. И модель, и отец тебя обожает, и парни с ума сходят.

– Не завидуй. А то сглазишь. О, Мэл. Скажи, что там насчет следующего года? Вы все же переедете во Францию?

– Не знаю. Мама тащит нас в эту дурацкую французскую провинцию. Говорит, там прекрасные возможности для продолжения бизнеса ее деда.

– Ммм, да, помню. Вино Ла Роше. А как же учеба?

– Да, вино. Но папа там скорее сопьется, чем поставит этот бизнес на ноги. Никак. Учиться буду в Париже.

Отец Мелани злоупотреблял алкоголем и несколько раз лечился от зависимости в разных дорогих клиниках.

– А Йель? Мы же хотели вместе! Ты же поступила!

– Не знаю, Ки. Не напоминай. Для меня эта поездка – смерть всех моих планов. Давай оторвемся перед моим отъездом по полной. Твой дядя приехал?

Черт. Кейтлин совершенно забыла про дядю. И ни черта у них сегодня не получится. Никакой вечеринки, потому что они ужинают в «Акватории».

* * *

За обеденным столом восседал Уильям Грант. Высокий, рыжеволосый, с крупным веснушчатым лицом, которое выдавало ирландские корни его матери Маргарет Грант, в то время, как прямая спина, длинные пальцы и презрительно изогнутые губы – английскую чопорность отца. Ему так же приписывали родство с русским графом Воронцовым и французским родом Валуа, все также по отцовской линии. Говорят, прабабка Гранта сбежала из России, будучи замужем, и родила дочь от французского герцога.

Грант наблюдал, как официант накладывает в его тарелку батат с фасолью и говядиной, он не смотрел в сторону дочери.

– Ты опоздала к обеду, Кейт? Где ты была?

– Ездила к модистке. К Эстер Каро, если ты ее знаешь.

Нагло заявила девушка и уселась за стол.

Конечно, он ее знал. И не только благодаря ее знаменитому салону, но и потому, что с недавних пор они стали любовниками. Но дочери об этом знать не обязательно. Она слишком болезненно пережила смерть матери и пока что не готова была принять даже возможность того, что у отца могла появиться другая женщина. Грант тщательно скрывал свою связь с Эстер и тратил на это немало средств. К сожалению, рано или поздно все тайное становится явным.

– Собери волосы, они лезут в тарелку.

Сделал вид, что не услышал ее слов о модистке.

– Не лезут, а даже если и лезут, это моя тарелка, а не твоя.

Официант поднес к столу блюдо, накрытое блестящей крышкой.

– Что здесь? – презрительно спросила Кейтлин, не упустив из вида того, что отец проигнорировал ее ответ.

– Королевская запеканка, крем суп с креветками.

– Какими креветками?

Девушка заглянула в блюдо и яростно опустила крышку.

– Я ем только тигровые креветки! А это что? Уноси немедленно, и если через пять минут мне не подадут мой обед, я прикажу уволить всех, включая тебя!

Грант со звоном бросил вилку на стол и повернулся к дочери.

– Кто дал тебе право кого-то увольнять в этом доме? Только потому, что тебе принесли не то блюдо? Ты сама хоть раз пробовала готовить? Помыла хотя бы одну тарелку?

Кейтлин вскочила со своего места.

– Значит, это правда? Да? Ты и эта…эта уродливая, худая селёдка спите вместе? Ты променял маму на нее? На эту жалкую выскочку Каро, разноцветную, как павлин?

Уильям тут же выпрямился в кресле, и его ярко-бирюзовые, истинно ирландские глаза сверкнули яростью.

– Я ни на кого не менял твою мать. Она мертва. И ее память свято чтится в этом доме!

– Чтится? В этот дом ты приведешь свою…эту…Она будет спать в маминой спальне? Ты выкинешь мамины вещи из шкафов и…, – Кейтлин вдруг попятилась

назад и отрицательно покачала головой. – я… я не верю. Ты уже это сделал, да? Избавился от ее вещей?

– Кейтлин!

– Я не хочу сидеть с тобой за одним столом.

Сильный кулак Гранта обрушился на стол, и все приборы со звоном подскочили.

– Сядь! Сегодня вечером мы едем на ужин. Твой дядя Фрэнк приехал из Африки.

– Плевать я хотела на этого дядю!

– Не вынуждай меня отправить тебя к тетке!

– Я сама с удовольствием туда уеду!

Кейтлин бросилась прочь из зала, стуча тонкими каблуками.

– Без копейки! Без машины! На поезде поедешь!

– Пешком пойду!

– Так тому и быть!

Глава 2

Размазывая слезы, Кейтлин быстро собирала чемодан, запихивая туда все, что попадается под руку. Ни секунды не останется здесь, ни мгновения. Она не собирается смотреть, как эта дрянь Каро войдет в их дом и начнет здесь хозяйничать. Мерзкая сучка. Так вот что она задумала. Выйти замуж за Уильяма Гранта. Ей мало просто быть его любовницей, мало забирать его у Кейтлин, заставлять лгать и изворачиваться. Она хочет абсолютно все.

Пусть отец выбирает: или дочь, или эта…дрянь с глазами змеи.

В ярости распахнула дверь родительской спальни. Отец уже давно не спал здесь. Переехал в правое крыло дома…а в этой комнате все сохранилось так, будто мама все еще жива, и сама своими нежными руками поставила букеты полевых цветов в вазы на подоконниках. На глаза опять навернулись слезы и потекли по щекам. Прошло пять лет, а казалось, всего несколько дней. Смириться с утратой не получалось. Не помогали психологи, антидепрессанты и даже любимое хобби. Точнее, любимое хобби мамы, которым она увлеклась после ее смерти. Искусственные цветы, которые ни в чем не уступали настоящим. Вот они стоят в вазах…на двух окнах те, что сделала мама, и на одном цветы, сделанные самой Кейтлин.

Девушка открыла ящики прикроватной тумбочки, забрала бархатную шкатулку с маминым кольцом и сережками, забрала так же маленький портрет и икону.

Когда выходила из дома, отец смотрел на нее через окно своего кабинета. И не подумал остановить. Надменно задрал голову и сложил руки за спиной, провожая ее тяжелым взглядом. Значит выбрал.

Но за территорию ее не выпустили, ворота оказались открыты. Девушка бросилась в гараж, села за руль своей машины. Но ключ в зажигании проворачивался вхолостую. Выскочила на улицу и схватила за рукав первого из охранников.

– Что с моей машиной? Почему она не заводится?

– Вам запрещено выезжать самостоятельно. Вы можете выйти за периметр в сопровождении Фреда или Майло.

– Что? Еще чего! Немедленно завел мою машину и пошел вон с дороги!

Она привыкла, что обычно ее приказы выполняются беспрекословно.

– Обратитесь к вашему отцу.

Значит, вот как? Значит, все ей назло! Решил держать ее в этом доме насильно?

Кейтлин забралась в машину и начала давить на педаль газа так, что рев разносился по всему дому. Никто не реагировал. Все привыкли к ее выходкам. Хорошо, если она не может уехать на этой машине – она ее сломает. Выбралась из-за руля, подняла капот и скривилась, когда увидела под ним пыль, растопырила тонкие пальчики и зарычала от злости. Кейтлин патологически брезглива. Ее тошнит от любой грязи и нечистоплотности.

Через час ей надоело сидеть в гараже, и она вышла на улицу, а потом вернулась в дом. Отец ждал ее в кабинете за столом, потягивая кофе из маленькой черной чашечки с золотыми китайскими иероглифами. Терпкий аромат разносился по всему помещению.

– По какому праву ты запер меня здесь?

– Чтоб ты не наделала глупостей.

– Это ты…ты делаешь глупости. Ты связался с этой шавкой!

– Я не стану обсуждать с тобой Эстер. И запрещаю тебе оскорблять ее.

– Значит, уже Эстер? А как ты ее называешь в спальне? Эстиии? Эс? Как задница? Моя маленькая попочка?

Отец замахнулся, но ударить не смог, сжал пальцы в кулак. Упрямая девчонка умела вывести его из себя, но у него никогда не поднималась рука на нее. Слишком сильно эти зеленые глаза напоминали глаза покойной жены.

– Собирайся на ужин. Потом поговорим.

* * *

Они молчали почти всю дорогу, и Грант смотрел на профиль дочери, так напоминающий покойную Софию. Маленький вздернутый нос, длинные пушистые ресницы и цвет волос, будто смешали его рыжую шевелюру с темными косами покойной жены, и получился медно-коричневый оттенок, переливающийся на солнце, в сочетании с ярко-зелеными глазами, с белой кожей с мелкими веснушками, ее внешность казалась экзотически яркой.

«Красавица. Наша дочь невероятная красавица, Уил. Береги ее. Если приведешь в дом другую женщину после моей смерти, позаботься о том, чтоб она любила мою Кэйти».

Он дал слово. Не мог не дать. Ни деньги, ни связи, ни все блага этого мира не смогли спасти Софию от смерти. Ее болезнь прогрессировала настолько быстро, что врачи лишь разводили руками и тяжело вздыхали. Последние дни она провела в больнице и до самой смерти просила ничего не говорить Кейти.

Для дочери смерть Софии стала жутким ударом. И Уильям боялся, что потеряет и ее тоже. Дочь отказывалась от еды, проводила все свободное время в спальне матери и перестала разговаривать. Ни дорогущие психологи, ни обновки и подарки не возвращали блеск ее глазам и улыбку ее губам.

Она замкнулась в себе и начала усиленно учиться. Маниакально изучая каждый предмет на отлично. С такой же маниакальностью она занималась своей внешностью. Ухаживала за волосами, кожей, ресницами, ногтями. Заявилась в офис отца и сказала, что собирается стать юристом и заниматься бизнесом вместе с ним. Поступила в Йель и закончила подкурсы по праву в специализированном колледже. Психолог сказал Уильяму, что это способ полностью контролировать свою жизнь и жизнь отца.

Иногда он находил ее в спальне матери, свернувшуюся калачиком на ковре в обнимку с вещами покойной.

– Кейти, давай поговорим и обсудим это прямо сейчас…твоя мама…

– Не хочу! Я просто не хочу тебя слышать! Ты мне противен! И я тебя ненавижу!

– Кейти…

Когда со встречной полосы на их сторону вылетел семитрейлер, Грант схватил дочь и прижал к себе обеими руками. Машина подскочила в воздух, как мяч. Перевернулась несколько раз и покатилась с обочины вниз к реке. Все это время он держал дочь обеими руками и смотрел ей в глаза, а в ушах звучал голос брата:

«Ты должен заключить эту сделку, Уил. Мы не можем отказаться. Это вопрос жизни и смерти. Не забывай, что я владею тридцатью процентами акций и…»

Машина уже давно замерла, и они висели вниз головой над оврагом, удерживаемые ремнями безопасности. Грудь Уильяма словно стянуло железными тисками, и дышать становилось все труднее. По лицу стекал пот…Тогда он думал, что это пот.

– Беги…котенок. Бегииии. Он найдет и убьет тебя.

– Кто? Папа, кто найдет? Нет! Я тебя не оставлю. Я…я освобожу тебя, мы выберемся и… – она отрицательно качает головой. Ей уже удалось освободиться от ремня. Она уцелела. Он это видел, и сердце, сдавленное проскочившей в окно огромной веткой, пробившей ему грудную клетку, дернулось в радостном облегчении. Самое главное – это его маленькая Кейти. Его котенок. Ради нее все. Ради нее он жил. Ради нее работал. Ради нее создал целую империю Грантов.

– Беги…беги так далеко, как только сможешь. Третья ячейка…Канзас…третья ячейка, код…, – и он понимает, что это не пот течет по его лицу и подбородку. Слова клокочут в горле, мешая говорить, – Кей. ти…я…люб…лю…тебя.

– И я люблю тебя, папочка…прости меня…прости меня, пожалуйста. Я выберусь и приведу помощь.

– Бегииии…

Последнее, что он видел – это ее глаза, наполненные слезами, они приближались, все ближе и ближе, зрачки превращались в глубокие тоннели, а потом снова отдалялись, и он летел внутри них, пока не увидел совсем другое любимое лицо…оказалось, что это глаза Софии, и она, улыбаясь, тянет к нему руки.

– Я ждала тебя, Уил…

* * *

Я смотрела в одну точку, сложив руки на счесанных коленях. В ушах звучал громкий, оглушительный звук взрыва и эхом голос отца. Я не знала, куда еду и зачем. Вскочила в поезд и просто ехала. Мне надо было ехать. Бежать от самой себя, от кошмара, который начался так внезапно и разодрал мою жизнь на до и после. Перед глазами лицо единственного по-настоящему близкого человека, в голове гул голосов, последнее, о чем мы говорили – ссора, злые слова, брошенные мною в порыве гнева.

Это просто ужасный сон. Ведь так не может быть, что водитель и отец были мертвы, а я отделалась парой царапин. я должна была умереть вместе с ними. Тогда не было бы настолько оглушительно больно, тогда не пульсировало бы в ушах и не давило грудную клетку от тяжести…как будто я держу руками надгробный камень, и он вот-вот задавит меня саму.

«Кейти, всегда садись сзади справа от водителя. Это самое безопасное место».

Большие руки, обхватившие мое лицо, страх в расширенных зрачках и последние мысли только обо мне. Никто и никогда не будет меня любить, как папа.

Нужно ехать домой. Нужно выйти на первой же станции, купить билет обратно. Дядя…он уже обо всем знает. Он устроит похороны. Я должна рассказать ему о последних словах отца. О ком-то, кого надо остерегаться. Это не несчастный случай. Отца кто-то убил, и я, Кейти, должна найти эту тварь. Да, надо возвращаться домой.

– Мисс, это конечная станция. Вам нужно освободить вагон. – кто-то тихонько тормошил меня за плечо. – У вас что-то случилось? Позвать на помощь?

– Ннет…я уже выхожу.

Дернулась, чтоб молодой мужчина не прикасался ко мне, потому что заметила грязное пятно на манжете его рубашки. Ноги казались ватными и не слушались, в голове гудело, звенело. Мне казалось, что я больна и у меня высокая температура. Щеки и тело горят, как в огне, и в то же время мне ужасно холодно. Зуб на зуб не попадает. На перроне практически безлюдно, я прошла в здание вокзала. Долго умывалась в туалете, опасаясь взглянуть в зеркало. В карманах кофты свернутые как попало деньги, я не помнила, как они там

оказались. Я сейчас мало что помнила вообще.

Вышла из туалета и села на железную скамейку, закрыла глаза. Если бы у меня был сотовый телефон, я бы позвонила дяде Фрэнку, и он забрал бы меня отсюда на личном самолете отца. От мыслей об отце свело судорогой горло и захотелось громко закричать, но я лишь закрыла лицо руками, стараясь успокоиться. Дышать глубже, как учила меня психолог. Вдох и очень медленный выдох, пока не отпустит, пока сердце не начнет биться ровно и дышать не станет легче.

– Не знаю. Я не могу. Я там задыхаюсь. Мне просто необходимо уехать…Я… я ее не хотела. Все эти месяцы были ужасными. Я впервые чувствую себя свободной. Я жить хочу, а не…а не выносить горшки из-под лежачего инвалида. Да, я ужасный человек…Пусть Бог меня потом накажет!

Я слышала женский голос, но не видела девушку. Моя голова была настолько тяжелой, как будто свинцовой. Хотелось лечь на скамейку, свернуться калачиком и не вставать.

– Да…он гонял на своем моте и врезался в тачку. Обдолбанный, как всегда. Я не могу туда поехать…Не могу, и все. Его отец приехал и забрал. Не знаю. Куда-то в Техас. Я его никогда не видела…Джона перевезли в Сан-Антонио на военном вертолете. Я все равно туда не поеду…я не решусь, Сара, пойми. Это все не мое, не я. Не для меня. Что, Кейти!? Да, я Кейти! Черт! Садится сотовый. Курить хочу ужасно. Столько месяцев не курила. И, как назло, ливень начался… Я без куртки, без кофты. Все там оставила.

Я подумала о том, что была бы счастлива, если бы отец остался жив после аварии, если бы спасся и даже стал инвалидом. Как угодно, но был бы со мной. Пусть даже в коме. А эта девушка…Папаааа…истерика наваливалась снова тяжестью и паникой.

– Сидит здесь одна…странная. Разодета, как с обложки журнала. Волосы шикарные. То ли обдолбанная, то ли больная. – донесся шепот, но хорошо слышный, – Попрошу у нее кофту шерстяную, а то моя джинсовая тряпка ничего не греет. Эй, простите!

Девушка потормошила меня за плечо. И я, как сквозь туман, посмотрела на нее.

– Можно одолжить у вас кофту, там начался дождь, а я хочу выйти покурить. Не бойтесь – верну. Мои вещи здесь останутся.

Я рассеянно кивнула, и девушка подхватила мою кофту со скамейки.

– Мой сотовый здесь стоит на зарядке и рюкзак. Присмотри. Я покурю и вернусь.

Мне было все равно, я снова закрыла глаза. Хотелось ничего не слышать, ничего не чувствовать. Оледенеть навечно. Из оцепенения вывели дикие крики с перрона, беготня охранников и полицейских. Я вскочила со скамейки, оглянулась по сторонам – девушки рядом не оказалось. Только сотовый на зарядке и потертый лоскутный рюкзак, набитый до состояния – вот-вот лопнет.

Хотела оставить все и уйти, но что-то остановило. Я взяла дешевый китайский смартфон, рюкзак и пошла в сторону офиса с табличкой «информация». Девушка за стеклом оживленно болтала по телефону и размахивала руками.

– Ты не представляешь, что здесь творится, какую-то несчастную переехал поезд. Курила на перроне и упала на рельсы. Жуть какая. Ей отрезало голову. Говорят, от лица одна каша осталась.

– Простите! – я постучала в стекло.

– О Боже, вон ее несут. – администратор даже не обратила на меня внимание, она смотрела куда-то за мою спину, широко распахнув глаза и округлив пухлый рот.

Тело несли с перрона на носилках. Мне стало не по себе, хотела отвернуться, но рука мертвой девушки выскользнула из-под простыни, и я чуть не закричала. Я узнала свою кофту, бежевый манжет из мягкой шерсти. Хотела окрикнуть врачей, но не смогла. Голос пропал. Снова обернулась на девушку-администратора, но вместо нее увидела экран огромного плазменного телевизора, висящий на стене аэропорта. Посмотрела на сотовый в своих руках. Что если…что, если позвонить дяде Фрэнку. Этот кошмар закончится, и я окажусь дома. Просто дома. Но экран приковал внимание к себе. Звука не слышно, но внизу бежит строка, а камера показывает увеличенным кадром лицо дяди Фрэнка, он что-то говорит журналистам. Я не слышу, что именно… вижу

только женщину рядом с ним. Женщину, которую он держит за руку – это Эстер Каро.

«Беги…это все он…он убьет тебя, Кейти! Бегиии!»

Попятилась назад, сдавливая телефон, чувствуя, как бешено бьется сердце, как от догадки немеют руки и ноги. Отрицательно качаю головой.

– Эй! Вы что-то хотели?

В громкоговоритель спросила администратор, но я ее уже не слышала. Я села на скамейку, глядя перед собой и сдавливая пальцами сотовый.

Дядя Фрэнк…это сделал он. Он и эта женщина. Они убили отца…и. О Боже! Я закрыла лицо руками, содрогаясь от ужаса, и эта девушка…она погибла, потому что надела моюююю кофту. Кто-то столкнул ее с перрона под поезд.

Мне больше некуда ехать…разве что к тетке, но та обязательно скажет дяде Фрэнку. И что ей теперь делать? Куда идти? В полицию бессмысленно! На сотовый девушки пришла смска:

«Это Дамиан. Отец Джона. Вот мой адрес. Можешь приехать. И сделаем вид, что ты никуда не уходила и никого не бросала».

Глава 3

Босоножки оказались на меня большими, и ремешок натер возле пяток. Дурацкая короткая джинсовая юбка и такая же дешевая, провонявшаяся куревом куртка дополняли идиотский образ, а короткий топ канареечного цвета с трудом скрывал большую грудь, казалось, она вывалится из декольте. Ничего более вульгарного я раньше не надевала. Волосы завязала в высокий хвост и спрятала под козырек бейсболки лицо. Теперь я сама себе на себя похожа не была.

Я постоянно дергала топ то вниз, то вверх, стараясь не замечать плотоядных взглядов мужчин в автобусе и затем на автовокзале. Мне казалось, что эта идиотская юбка вот-вот задерется, что босоножки уже стерли мои ноги до мяса, а песок и мелкие камни забились между пальцами.

Сотовый той девушки постоянно трезвонил, на него приходили смски. Вначале я игнорировала, а потом нагло начала отвечать. Если уж решила стать Кейт Джексон (да, то ли по насмешке судьбы, то ли черт его знает по чьей дьявольской насмешке ту девушку звали почти так же), то придется играть эту роль как можно дольше. Папа учил меня выживать при любых обстоятельствах, говорил, что я смелая, сильная и умная. Я смогу. Ради него. Смогу. Чтобы отомстить. Чтобы забрать то, что принадлежит мне…Пусть не сейчас. Пусть пройдет время. И если эта погибшая девушка заняла мое место на кладбище возле отца, то я займу место мисс Джексон в доме ее свекра.

Еще раз посмотрела на карте адрес и тихо выдохнула. Редкостное захолустье. Я даже про город такой не слышала. Эндрюс. Но, судя по всему, ранчо Керук находится в пригороде, на отшибе. Наверное, это к лучшему. Здесь меня не найдут, если даже и станут искать…Но, судя по новостям, дядя Фрэнк похоронил свою племянницу, оплакал и устроил из похорон спектакль, обещал поставить на моей могиле золотого ангела. Проклятый лицемер, ублюдок. И сука эта рядом с ним. Они были заодно. Она вскружила голову отцу, а сама была любовницей дяди.

От навалившейся дикой тоски снова заболело в груди, и я сильно зажмурила глаза, сдавила веки, считая про себя от ста в обратном порядке. Так учила меня психолог после смерти мамы бороться с паническими атаками. Автобус почти опустел, и я уныло смотрела в окно. Пустыня, кактусы, пучки травы. Никакой романтики, ковбоев и табуна лошадей.

Я никто, еду в никуда и неизвестно к кому изображать неизвестно кого.

Вышла почти последняя. Рюкзак давил на плечи, невыносимо хотелось пить и есть, и я понятия не имела, куда идти.

Поблизости ни одной машины. По песку катается чертополох, вихрями носятся маленькие песчаные смерчи. Я явно в аду, и выхода из этого ада точно нет.

– Эй, детка!

Рядом зачадил выхлопными газами облезлый старый джип с открытым верхом. За рулем сидит человек в клетчатой рубахе и в шляпе, во рту у него тлеет сигарета, а за поясом торчит рукоять пистолета. А вот и ковбои.

– Тебе куда?

Первым порывом было послать его к черту, как и всех тех, кто осмеливались мне посигналить на улице, но это было не лучшей идеей, особенно с натертыми ногами, ноющими мышцами и пересохшим от жажды горлом.

– На…на ранчо Керук.

Глаза рыжего мужика округлились, и выражение лица с плотоядного сменилось на более или менее сносное. По крайней мере желание ткнуть ему в рожу средний палец пропало.

– К Койоту, что ли?

– К кому?

– Койоту, детка, Койоту.

– К мистеру Керуку?

– Я ж и говорю, к Койоту. Прыгай в тачку, подкину. До ранчо пешком часа полтора плестись.

Его рожа по-прежнему мне ужасно не нравилась, но перспектива полтора часа идти по пескам и колючкам не нравилась еще больше. Я смертельно устала, мне было страшно, и ужасно хотелось пить. В машине у мужика валялась грязная бутылка с минеральной водой, но я скорее сдохла бы от жажды, чем взяла ее в руки. Поэтому я забралась в машину и отодвинулась подальше от водителя.

– Я – Фэрдинанд Сэмюэль Хэррисон. Для своих Фэр Воробей. Помощник местного шерифа.

Теперь глаза округлились у меня, потому что вот этот проходимец в кожаной куртке, грязной рубашке и с физиономией беглого преступника никак не мог быть помощником шерифа. И машина у него тоже не особо чистая. От одной мысли, что я сижу на этом грязном и вонючем сиденье своими голыми ногами, внутри стало неприятно и засосало под ложечкой.

– И что такая красавица забыла в нашем захолустье? Зачем тебе Койот? Или задолжал тебе пару сотенку долларов? У него на такую, как ты, всей зарплаты не хватит.

Снова плотоядная ухмылочка, и я интуитивно отпрянула подальше.

– Я… я его невестка.

Улыбка совершенно пропала с рябого лица Воробья, он даже весь подобрался, выровнял спину и сам отодвинулся на сколько мог, теперь он больше не глазел на мои ноги, а смотрел впереди себя.

– Сочувствую…то, что произошло с Джонни, ужасно.

– Спасибо.

Растерянно ответила я, потому что, что именно произошло с Джонни, я не знала, а разговор настоящей жены Керука младшего, к сожалению, помнила очень смутно.

– Полковник тот еще…непросто тебе с ним будет. Набирайся терпения, детка.

Где бы мне знаний набраться. Сейчас начнутся расспросы, а я ни черта не знаю ни о своем якобы муже, ни о том, когда поженились. Ничего. Пару вопросов, и мой обман раскроется в два счета, и вот этот помощник шерифа меня же и арестует, а потом передаст в руки дяди Фрэнка, а потом…потом меня просто убьют. Так, я не буду думать об этом сейчас, а подумаю об этом потом. Все проблемы надо решать по мере их поступления. Так всегда говорил папа. Папаааа…Всю силу воли в кулак, и, чтобы не расплакаться, щеку закусить сильно изнутри так, чтоб боль немного отрезвила.

На удивление Воробей сник и притих. Желание заигрывать у него явно пропало, и он держал от меня дистанцию, чем несказанно порадовал. Весь остаток пути он насвистывал какую-то кантри песенку или курил. Мне казалось, что я вся провонялась сигаретами.

– Ну вот, почти приехали. Видишь там – это ранчо твоего свекра. Целая гасиенда, как сказал бы наш Хуан-Карлос. Одна из самых старых построек в округе.

Вдалеке виднелось желтоватое одноэтажное здание с длинным корпусом и покатой крышей. Даже с такого расстояния было видно, что ничего шикарного в этой гасиенде, как выразился Воробей, нет. Нищебродская сетка рабица вместо забора, высокие ворота с пафосной надписью «Ранчо семьи Керук» широко распахнуты, чуть ниже прибита вывеска с черепом, и написано «не влезай – убьет», а еще ниже «осторожно, злая собака». Кейтлин вся поджалась, так как с детства боялась собак. Особенно больших. Джип въехал на территорию ранчо, и ей стало совсем плохо.

– Ты чего бледная такая? Койота испугалась? Да, он страшный чувак, его тут все боятся. Но к своим он сносно относится.

Сносно – это, конечно же, обнадеживает. Чем ближе мы подъезжали, тем меньше мне нравилось это старое ранчо. Воняло навозом, где-то кукарекали петухи и мычала корова. От едкого запаха меня начало подташнивать.

Где-то совсем рядом раздавался стук. Как будто кто-то что-то прибивал или наоборот – пытался разбить. Когда джип свернул за само здание, я увидела высокую лестницу и огромного лысого мужчину, стоящего на самой крайней перекладине и что-то забивающего в крышу.

– А вот и полковник.

Я судорожно сглотнула и прилипла к сиденью. Это был не человек, а громила. Казалось, лестница под ним сейчас проломится, таким сильным и большим было его тело. Раздетый до половины он весь лоснился от пота, и его огромные, как вздутые шары, мышцы, перекатывались под потной, очень смуглой, красноватой кожей. Когда он поднимал руку с молотком, мышцы напрягались, и Я подумала о том, что его бицепс кажется размером с мою голову. Мужчина обернулся, и я

вросла в сиденье. Он перестал стучать молотком и заслонил глаза от солнца широченной, огромной ладонью. Мне было плохо видно его лицо, но все черты грубые, крупные и глаза миндалевидные, яркие, очень темные сверкают белоснежными белками. Его брови сошлись на переносице, и меня опять затошнило от страха, а горло свело судорогой. Почему-то свекор представлялся мне худощавым старичком с седыми волосами и добрым лицом…а не вот этим вот огроменным утесо-человеком, внушающим религиозный ужас всем своим видом.

Воробей помахал ему шляпой.

– Ну все, детка, приехали. Удачи тебе с полковником. Если что, приезжай в город, у нас здесь отличное кафе с малиновыми пирогами.

Я выкарабкалась из машины, рюкзак оттянул руку вниз и вывалился на землю. Лысый громила полковник отвернулся и продолжил что-то там заколачивать, а я так и осталась стоять с рюкзаком, с натертыми ногами и совершенно растерянная. Потому что здороваться со мной и приглашать в дом никто не собирался.

Глава 4

– Простите!

Крикнула и сама заслонила лицо от солнца, пытаясь рассмотреть здоровяка с молотом в руке. Мелькнула мысль о том, что у него невероятно красивое тело, но я отогнала ее прочь, потому что хамство этой деревенщины зашкаливало. Он так и не позвал меня в дом.

– Эй! Я вообще-то тут стою уже минут десять! Вы там долго будете махать молотком? Я могу войти? Какого черта вы молчите?

Ноль эмоций. Стучит и дальше. Мышцы переливаются в солнечных лучах, перекатываются под смуглой кожей. Черт. И что мне здесь стоять до вечера? Пока он там не закончит прибивать свои сваи или что он там делает?

Я осмотрелась по сторонам и, когда где-то опять замычала корова, меня аж передернуло. Прекрасно, у него здесь коровник, может, еще и свинарник с конюшней. Через день я здесь просто задохнусь от вони. Переминаясь с ноги на ногу, я утонула каблуками в песке и траве, выругалась и попыталась выдернуть каблуки из мерзкой мякоти.

– Эй, ты, там наверху. Мистер, как вас там зовут! Я приехала после вашей смски, вы меня пригласили ваще-то. А! Алеееее! Ой!

К ней приближался большой белый и напыщенный петух с красным гребнем, налитым словно кровью. Его борода телепалась, напоминая мне срамное место у мужчин, и оно подпрыгивало в такт быстрому шагу петуха, который явно был настроен по отношению ко мне более чем воинственно. Стало страшно, и я испуганно прижала руки к груди.

– Алеее. У вас тут…ой…он ко мне идет! Уберите его!

Взвизгнула и попятилась назад. Нахохрившись, петух пошел на меня еще более агрессивно. Он явно метил на золотистые пряжки на туфлях. Когда ему удалось нацелиться и клюнуть, я заорала и побежала прочь, подворачивая ноги.

– Ваш петух взбесился, уберите от меня эту зверину! Он меня сейчас сожрёт! Вы что, его не кормите?! Аааааааа! Уберите петуха!

Никто и не думал приходить мне на помощь. Я носилась по двору, петух за мной следом, пока не додумалась скинуть туфли, и тот не принялся клевать пряжки, а я в ужасе забралась на сложенные горкой дрова и стояла там, переминаясь с ноги на ногу, босая, взъерошенная и перепуганная. От одной мысли, что мои ноги перепачканы песком и, возможно, еще чем-то мерзким, делалось дурно.

– Ваш петух, как чокнутая псина. Он кидается на людей! Эй! Вы негостеприимный и отвратительный тип! Слышите меня? Я с вами говорю!

Свёкор… да, теперь он ей якобы свекор, спускался сверху, не оборачиваясь ко мне, как будто меня не существовало, и он меня совершенно не слышит. Мерзкий и гадкий придурок. Явно задрал нос и вообразил себя черт знает кем. Полковник. Можно подумать. А мой отец – нефтяной магнат и…И тут же прибило, тут же все сникло внутри от мысли об отце. Болью сдавило грудь. Я

попыталась слезть с дровницы, но бревна подо мной скрипнули и чуть пошатнулись. Сделаю шаг, и вся эта конструкция рухнет вниз. Черт, черт, черт. Где-то вдалеке за продолговатым строением насмешливо заржал конь. Ну вот…здесь еще и кони.

– Ммм…мистер Керук!

Громила прошел по двору, привычно пнул петуха, пронес лестницу куда-то в сарай. Я проследила за ним взглядом полным растерянности и беспомощной злости. Ходит здесь и на меня не обращает внимание. Что он о себе возомнил?

– Мистер…Керук, вы бы не могли снять меня отсюда, а то ваши дрова сейчас обвалятся, и я упаду. Я могу сломать себе руку или ногу. Алееее! Вы что, глухой?

Полковник наконец-то посмотрел на меня, и его густая черная бровь скептически вздернулась вверх. Лицо совершенно безэмоциональное, губы поджаты. Во взгляде скорее раздражение и недоумение. Как будто я или пустое место, или вообще досадное недоразумение. Какое-то время он меня рассматривал, и я даже воспылала надеждой. Ведь меня всегда считали красивой, я сводила мужчин с ума, и они млели передо мной и теряли дар речи. Инстинктивно поправила прядь волос за ушко. Улыбнулась одной из своих самых соблазнительных улыбок. И помахала ручкой.

– Хай!

Бровь полковника приподнялась еще выше.

Когда он прошел мимо, я в надежде протянула руки, а потом улыбка сползла с моего лица, так как упрямый ублюдок и не думал помогать, он перекинул через плечо свернутую в несколько раз веревку и направился в сторону конюшни. Туда, откуда доносилось насмешливое ржание. Понятно. Слазить придется самой. Как? Я и понятия не имела.

Сначала наклонилась, потом стала на одно колено. Поленья дернулись, и у меня дернулось сердце. Какого черта я туда влезла. Проклятый петух. Встала на четвереньки. Попыталась спустить одну ногу, но вся дровница угрожающе вздрогнула, и я тут же убрала ногу. Теперь мне казалось, я вижу себя со

стороны, стоящую на четвереньках, как идиотка. Развернулась в другую сторону. И все же с горем пополам слезла, счесала коленку, закусила губу и босиком поплелась следом за полковником. Когда петух опять побежал за мной, я замахнулась на него рюкзаком.

– Кыш, тварь! Брысь! Не приближайся ко мне!

На удивление тот отступил, и преисполненная гордости за собственную смелость я все же пошла к конюшням. Когда отворила дверь, на меня навалился удушливый запах конского навоза. Тут же зажала нос двумя пальцами. Здесь без противогаза находиться невозможно. Это же кошмар какой-то.

Из стойла высунулась голова лошади, и я в ужасе отпрянула назад, и меня тут же щипнули конские губы за затылок. Я закричала, пробежала вперед, поскользнулась и упала в грязную лужу, падая, зацепила ведро с водой. Полковник обернулся. Кажется, со мной общались только его брови. Они ползали наверх и торчали там в виде двух домиков, потом опускались, собирались в одну линию на переносице и снова поднимались. А выражение глаз говорило о том, что я – жалкое ничтожество. От обиды начинало давить в груди, и я не знала, что мне дальше делать.

Свекор бросил какое-то грязное полотенце. Я его не поймала, а когда подняла, он кивнул на мои руки и колени и повернулся к коню, чьи бока натирал мокрой тряпкой. Я вытерла руки, брезгливо морщась, осмотрелась по сторонам. И что, мне теперь ждать, когда он здесь закончит? Это же жесть какая-то. Он даже со мной не поздоровался, чурбан деревенский неотёсанный.

Пока он мыл лошадь, рассматривала невольно его тело, так как больше было не на что смотреть…По крайней мере так я себе сказала. Но зрелище было красивым. Тело полковника, словно высеченное из камня талантливым скульптором времен греческих богов и Олимпа, лоснилось от пота, отливало бронзой, и когда он наклонялся или протирал бока лошади, все его мышцы напрягались, вены вздувались на мощных руках. На шее болталась цепочка, а на ней две пластины, как носят военные. Какое красивое и сильное у него тело…если бы не совершенно лысая голова, он мог показаться мне привлекательным. А вообще, нет. Он отвратительное и грубое животное.

В какой-то момент у него что-то запищало в кармане. Точнее, завибрировало. Он тут же уронил тряпку, выхватил какой-то прибор, посмотрел на дисплей. Завел лошадь обратно в стойло. Потом неожиданно схватил меня за руку и насильно потащил. С такой силой, что я от неожиданности чуть не упала.

– Мистер Керук, – кричала и бежала следом, – меня зовут Кейт. Я жена вашего сына. Я вернулась, потому что вы мне написали смску. Если хотите, я могу остановиться в гостинице. Правда, мне хватит денег на пару дней и…

Он меня не слышал, просто тащил к дому, одной рукой распахнул дверь, втолкнул меня внутрь и куда-то пошел быстрым шагом, а я с опаской оглянулась по сторонам. Где-то в глубине дома раздавались странные пищащие звуки. Они были мне знакомы и совершенно не нравились…но, наверное, это телевизор. Таких звуков в этом доме быть не должно. Они меня пугали и нервировали. Мне вообще ничего не нравилось. Такое убогое. У них слуги жили лучше.

Звуки стихли, и я выдохнула с облегчением – точно телевизор. А потом увидела своего свекра. Он что-то нес в руках, приближаясь ко мне быстрым шагом, пока не вручил ЭТО мне в руки.

От ужаса у меня замерло все тело, и я медленно опустила взгляд на сверток, в котором лежал…младенец. Оказавшись у меня на руках, он…опять громко заорал, и я чуть не заорала вместе с ним.

Смотрела на этот орущий комок и не сразу смогла понять, что вообще происходит. Откуда здесь ребенок, и почему его вручили именно мне. «Думай, Кейти, думай, откуда такая подстава…я была готова к чему угодно, только не к ребенку…нет ничего ужаснее маленьких детей».

Память тут же подкинула телефонный разговор той Кейт…

«– Да…он гонял на своем моте и врезался в тачку. Обдолбанный, как всегда. Я не могу туда поехать…Не могу, и все. Его отец приехал и забрал. Не знаю. Куда-то в Техас. Я его никогда не видела…Джона перевезли в Сан-Антонио на военном вертолете. Я все равно туда не поеду…я не решусь, Сара, пойми. Это все не мое, не я. Не для меня. Что, Кейти! Да, я Кейти! Черт! Садится сотовый. Курить хочу ужасно. Столько месяцев не курила. И, как назло, ливень начался… Я без куртки, без кофты. Все там оставила».

Его отец приехал и забрал…Вот оно. Приехал и забрал. Я должна была обратить на это внимание. Эта…эта девчонка бросила не только мужа в коме, но и младенца. И что мне теперь делать? Я младенцев в лучшем случае по телевизору видела.

– Ааа. ааа. ааа…а, – пропела и подергала руками, покачивая комочек. Младенец разорался еще сильнее, и от ужаса я остолбенела. И? И как это успокоить? Что если положить вот это на стол и потихоньку удрать? Я что-то придумаю…наверное. Перед глазами возникли пару свернутых купюр. Никуда я не сбегу. Там денег и на пару дней не хватит. На дорогу так точно.

– Ааа аааа.

Пропела снова и пошла с младенцем по дому в поисках хозяина. Может ОНО есть хочет. Хозяина в доме не оказалось, или он злобно не отзывался. Мерзкий, отвратительный тип. Он специально ведет себя так. Он меня как будто нарочно унижает.

– Эй! Мистер! Ау! Оно хочет есть…она…он. Черт!

Так, надо срочно заткнуться. Немедленно, потому что если это МОЙ ребенок, то я точно знаю его пол и так же точно знаю имя. И как узнать это имя? О боже. Если мой обман откроется, этот полковник сожрет меня с потрохами и не подавится. Забрела на кухню. Пока ходила, младенец успокоился, едва остановилась, заорал снова. Боже, как это выключить? Это же хуже радио тетки, хуже любого самого мерзкого звука. Это…как сирена. Прыгая по кухне с нескончаемым «аааааааа», я искала что-то типа бутылочки. Ура. Нашла возле раковины. Полезла в холодильник, а там целая упаковка молока. Вот и прекрасно. Сейчас налью в бутылку, и оно успокоится. Пока доставала молоко, раздались шаги. Резко обернулась и увидела полковника. Тот посмотрел на орущего младенца, лежащего в кресле, на меня с упаковкой молока. Подошел, отобрал молоко и вручил мне другую банку.

Потом подошел к младенцу и…выражение физиономии этой жуткой глыбы тут же изменилось. Он склонился над ребенком и расплылся в идиотской улыбке. Что-то промычал, и орево стихло. Улыбка совершенно преобразила его лицо, сверкнул ряд белоснежных зубов, а на смуглых щеках появились ямочки, брови приподнялись, и огромные ручищи взяли ребенка. Я так и стояла с банкой, не

зная, что теперь делать. Одной рукой удерживая младенца, полковник подошел ко мне, отобрал молоко и перелил в бутылочку.

Почему он постоянно молчит? Это такой вид игнора? Показывает мне, что я никто?

Вручил мне обратно ребенка вместе с бутылкой и куда-то ушел. Ну хотя бы оно теперь не орало, а мирно и тихо смоктало бутылочку. Вблизи оказалось очень миленьким, голубоглазым и светловолосым существом с толстыми щечками, длинными ресничками и маленьким носиком. Похожа на Пуговку.

– Ты кто? Мальчик или девочка? – тихо спросила, и малыш перестал сосать, уставился на меня. – Вроде на тебе нет ничего голубого и розовая кофточка. Наверное, ты девочка, да? И сколько тебе месяцев? Ты ведь больше не будешь орать, да? Если не будешь, я найду тебе еще пару бутылок этой гадости. Обещаю.

Снова послышались шаги, и я увидела полковника вместе с моим рюкзаком в руке. ОН посмотрел на меня и пошел вглубь дома. Я поплелась за ним, отобрав бутылку у младенца. Оно заорало опять, испуганно я сунула бутылку обратно и теперь так и плелась следом, пытаясь не отнять бутылочку.

Как же здесь убого: пол скрипит, на стенах какие-то безвкусные картины, старый ковер под ногами морщится. Полковник открыл одну из комнат и вошел туда. Я за ним следом. Ужас, ужаааааас. Это моя комната? Вот эта маленькая кровать, тумба и письменный стол…с вот этим ужасным вязаным ковриком на полу? Мой рюкзак приземлился в кресло, и, когда полковник прошел к окну, пол застонал под его тяжелыми шагами. Он распахнул шторы и открыл окно, впуская свежий воздух.

– А…а есть другое место? Здесь тесно и кровать маленькая…

Меня никто не слушал. Дамиан вышел из комнаты, и где-то в глубине дома послышался какой-то стук. Понятно. Разговаривать с гостьей никто не собирается. Точнее, с ней… с той Кейт. Ну справедливо. Я бы тоже не разговаривала с собой, нет, с той, и вообще, надрала бы ей хорошенько зад…И вдруг вспомнила носилки и выпавшую из-под простыни руку. Пыл и ярость поугасли. Девушка сполна расплатилась…С ней никто и никогда больше не

заговорит. Расплатилась из-за меня. Из-за Кейтлин. Забрала себе мою судьбу и приняла страшный удар. Вздрогнув от ужаса, я прикрыла глаза и постаралась успокоиться. Сейчас нельзя вспоминать об аварии, о страшной смерти на вокзале. Нужно запретить себе воспоминания.

Смоктание стихло, и младенец оказывается уснул. Я потихоньку подкралась к постели и осторожно положила туда ребенка. Казалось, руки у меня сейчас отвалятся, а уши уже давно заложило от воплей. Выглянула в окно и тут же отшатнулась назад. На меня издалека пристально смотрела корова, пожевывая траву, а по двору бегали толстые куры, кудахтая и что-то поклёвывая. Прекрасно. Просто прекрасно. Великолепный вид из окна на курятник и коровник.

Керук вернулся с разобранной кроваткой и принялся устанавливать ее обратно прямо в моей комнате. А теперь становится еще прекраснее – вот это орущее существо будет спать вместе со мной. Внезапно громила все бросил и кинулся к кровати. Он успел подхватить падающего младенца и положить подальше на кровать. Потом с яростью схватил меня за руку и насильно усадил рядом с ребенком. Недовольно сопя. Его ноздри раздувались, и глаза метали молнии. Уууу, какой грозный. Можно подумать, я специально не углядела. Откуда я знала, что оно скатится с кровати. Оно же мелкое совсем. И вообще, я устала с дороги, хочу есть и пить. А мне даже стакан воды не предложили. И этот молчит, как истукан. Он что, глухонемой, что ли? Или нарочно меня игнорит?

Дамиан окончил собирать кроватку, поставил уже застеленный матрас. Потом начал надевать подушки на спинки кроватки. Я хотела ему помочь, но он грубо усадил меня снова рядом с ребенком. Нервно постукивая ногой, я смотрела на него и думала о том, что здесь не протяну ни дня. Просто сойду с ума. Надо думать, как смыться и куда пойти. Может, как раз таки на дорогу мне и хватит. Тогда можно уехать в другой город, устроиться на работу. Например…например…Та ладно, я научусь чему-нибудь. Вот пойду официанткой. Кофе разносить. Это ж не трудно. Нужно только дождаться ночи и просто уйти. Зря я все это затеяла и сюда приехала.

Полковник осторожно перенес младенца в кроватку, потом поставил там какой-то прибор, второй, похожий на рацию, положил к себе в карман и кивнул мне на дверь.

Не веря, что ко мне обратились, я даже обернулась, чтобы посмотреть – нет ли у меня за спиной кого-то еще, но нет, полковник смотрел прямо на меня своими миндалевидными, зоркими глазами и коротко кивнул снова.

С опаской я последовала за ним. Кажется, сейчас мы и поговорим… Ооох, как бы только не сдать себя с потрохами и не ляпнуть лишнего. Как там его сына зовут? Джонни, кажется.

Глава 5

Пока шла за ним, перед глазами картинки одна красочней другой. То он вышвыривает меня за дверь, и вслед мне в голову летит мой рюкзак, из него высыпаются все вещи, то просто откручивает мне башку обеими руками, потому что понял, что я солгала и…еще одна картинка. Она мне совсем не понравилась – в ней он смотрит на меня по-мужски, в ней он приближается ко мне широкими шагами и…

Едва я вошла на кухню, в меня, и правда, полетели вещи. Только не мои, а его…джинсы, рубашки, носки и заодно грязные пеленки и ползунки малыша. Он все это делал молча. Швырнул на меня, как будто воду вылил, вытряс из таза, потом указал пальцем на ведро с водой, на таз и собрался выйти, но во мне поднялась волна ярости. Я буквально затряслась от нее всем телом и побежала за ним.

– Эй, вы, мистер. Керук-Шмерук! Мне глубоко плевать, какая вы великая цацка, и как вас все боятся. Я вас не боюсь. И не надо в меня швыряться вещами, если вам есть что сказать – говорите в глаза и… вообще.

Мне не отвечали, он просто шел к двери, тогда я осмелела окончательно и схватила его за руку, потянула к себе. Развернулся он молниеносно, схватив меня за горло, прижал к стене. И я тут же подумала, что погорячилась, сказав, что не борюсь его. Я боюсь. Я вообще сейчас описаюсь от страха, так как рядом с ним кажусь себе маленьким таракашкой, и он вот-вот размажет меня об стену.

– Я – КЕЙТ! Ясно? Можно Кейти или Кэт. Со мной можно просто разговаривать! Я понимаю, что разозлила вас, что поступила некрасиво и… – черт, как же сложно извиняться за то, чего не делал. Так, Кейти, думай о том, что из-за тебя погиб человек, и извиняйся искренне, – ужасно поступила, да. Но я искренне раскаиваюсь, я вернулась, и я…не понимаю, почему вы так себя ведете и не разговариваете со мной.

Все это время он молчал и смотрел на мои губы, а я – на его длинные и пушистые ресницы, на миндалевидные, невероятно красивые глаза, на смуглую кожу почти кирпичного цвета. Вблизи его грубые черты лица казались гротескно красивыми, скульптурными, и этот взгляд исподлобья, от него мурашки по коже. Спокойно, Кейти…это вообще-то твой свекор. Папа, можно сказать.

– Простите… я просто хочу все исправить.

Наверное, это было правдой. Самой настоящей, самой что ни на есть отчаянной. Ручища разжалась, и мне вдруг стало без нее холодно, как будто она грела мне горло, а не грозилась свернуть шею.

Меня поставили обратно на пол, точнее, можно сказать, швырнули и опять молча пошли к двери. Мерзкий, паршивый и самоуверенный ублюдок, чурбан, злобная скотина, лысый черт. Да, вот он кто – лысый черт. Непробиваемый засранец. Мог бы и пожалеть, мог бы…не знаю, улыбнуться мне хотя бы и поздороваться. Мать его, просто поздороваться! Это так трудно?

Вернулась на кухню и растерянно посмотрела на вещи, потом на ведро. Что он имел в виду, когда ткнул в него пальцем? Пойду поищу стиральную машинку. Поиски не увенчались успехом, зато я нашла еще несколько комнат. Одна похожа на свалку из всякого старья, вторая, судя по всему, спальня его сына и третья его самого, судя по валяющейся на полу одной из подушек, кроватка раньше стояла здесь. Мне нужно осмотреться, найти хоть что-то, чтобы все не развалилось в одно мгновение. Я прошла по комнате, заглянула на полки. Ничего. Пусто. Ни одной фотографии или побрякушки. Как будто это больничная палата. Я подняла подушку и задумчиво покрутила ее в руках, потом вдруг увидела на ней имя – Джеки. Прекрасно. Джеки. Это может быть или мальчик, или девочка. Опять гадай сама.

Край тумбочки оказался приоткрытым, и я невольно подошла, чтобы заглянуть туда, в этот момент меня сгребли за шиворот и буквально понесли.

– Эй! Отпустите! Оставьте меня немедленно! Вы! Вы что себе позволяете, чурбан неотёсанный!

Дергая ногами и руками, я пыталась вырваться, но это все равно что пытаться пнуть скалу. Меня притащили на кухню, бросили на пол и подтолкнули ногой ведро с водой, указали на вещи, а потом на дверь. Сволочь! Я все поняла! Или стираю, или убираюсь к такой-то матери.

– А чем стирать, где машинка? Порошок?

В отчаянии закричала я. Мне бросили кусок мыла и снова ткнули пальцем в таз. Что? Руками? Стирать? Да он совсем рехнулся! Я машинкой стирать не умею! Жесть! Этот чувак совершенно ненормальный, конченый самодур. Если он думает, что я буду это делать, он сошел с ума и…

Самодур взял ведро и вылил воду в таз, ткнул мыло мне в руки и снова ушел на улицу. Послышался какой-то пищащий звук, я выглянула в окно и увидела, что он что-то там пилит.

Значит, стирать руками…и как это сделать? Я достала сотовый, покопалась там, открыла всезнающий поисковик и написала: «Как стирать вещи руками». Мне открылась ошибка. От отчаяния я всплеснула руками, уронила мыло себе на ногу и сползла на пол. Интернет ни черта не работал, а пароль от вай фая я не знала. И черта с два мне его кто-то скажет.

Стирала я очень долго. До самого вечера. Дамиан успел прийти обратно домой, посмотреть на меня, вскинув одну бровь, и уйти к ребенку, а я все еще мусолила его джинсы и не знала, с какой стороны взять их в руки. Издалека доносился детский смех и какое-то мычание. Какую-то часть меня это умилило, но я заставила ее заткнуться и, тиранув снова материю, поняла, что истерла себе все пальцы, а передо мной еще целая куча белья.

Я стирала и стирала, потом мне нужна была еще вода все это прополоскать, и я не могла поднять таз с бельем, он казался мне тяжелее моего веса. Явился мистер Красноречивая Молчаливость, притащил еще воды, и я начала полоскать

белье. Потом я пинала ногами таз, чтобы вытолкать его наружу, пока пинала – упала на пол. Он показался мне ужасно уютным и даже мягким.

В себя пришла от тормошения и от того, что меня рывком подняли на ноги. Какой кошмар, я уснула на полу, возле тазика, как какая-то дрянная собачонка.

Дамиан поднял таз одной рукой и вынес его на улицу с другой стороны дома. В окно я успела увидеть натянутые высоко веревки между железными столбами. Прекрасно. Мне придется еще и все это развешивать.

Я пошла следом за ним и поволокла за собой стул. Так как выжимать белье я совершенно не умела, то каждая тряпка была весом с меня. Я тянула ее и мокрую шлепала на веревку. Когда закончила развешивать белье, было уже совсем темно, а у меня тряслись колени, болели руки, стерлись костяшки пальцев, и я чувствовала себя грязной, потной и вонючей. И вообще использованной. Но перспектива оказаться на улице радужной совсем не показалась, особенно когда где-то вдалеке завыли степные волки.

Приплелась на кухню, где Керук сидел с ребенком на коленях и показывал ему «козу рогатую». Чистый, в белой футболке, пышущий бодростью и здоровьем, и я такая вся грязная, как выжатый лимон, с волосами, свисающими мне на лицо пасмами, со сморщенными руками, голодная и уставшая как собака.

– Я хочу есть, – очень жалко пропищала, даже не надеясь, что меня кто-то услышит. Мне кивнули на кастрюлю и продолжили читать газету, покачивая ребенка на руках. В кастрюле я нашла суп, и от одного его вида у меня в желудке требовательно заурчало. Всегда ненавидела супы, но сейчас этот казался мне верхом кулинарного искусства. Я съела его холодным и еще раз убедилась в том, что вкуснее я ничего в своей жизни не ела.

– Очень вкусно…Спасибо.

На меня даже не посмотрели. Сидит на своем кресле, читает. Еле-еле помещается на сиденье, и ребенок у него в руках размером с погремушку. Профиль красивый, четкий. В чертах его лица есть что-то первобытно дикое, бешеное. Но он точно не мексиканец. Керук…Надо посмотреть в интернете, что означает эта фамилия.

Потом я приняла душ. Маленькая и тесная ванная комнатка со старой сантехникой вначале заставила брезгливо поморщиться, но потом я поняла, что лучше я точно не найду здесь даже в отеле и стала под горячую воду. Большего наслаждения в жизни не испытывала. У меня ныло и болело все тело, и я стирала с себя грязь руками, брезгуя взять чью-то мочалку. Завтра поеду в город и куплю себе самое минимальное. На это мне денег точно хватит.

Завернув голову в полотенце, я порылась в вещах той Кейтлин и с ужасом обнаружила там такие вещи, в которых, наверное, падшие женщины стоят на трассе. Но других там и не было. Я выдохнула и выбрала более или менее приличное. Топ и короткие шорты. Все остальное оказалось мини-платьями, мини-юбками, какими-то сеточками, дырочками и вообще полосочками. Ядовитые расцветки, камушки, стразы. Ужас ужасный. Топ обтянул мою большую грудь, как лифчик, и полушария полезли сверху так, что пришлось их утрамбовать обратно, а задница так и норовила выскочить из-под шорт.

Я покрутилась перед зеркалом, потом собрала мокрые волосы в пучок на макушке и решительно пошла обратно на кухню. Когда появилась в дверях, Дамиан вскинул голову, осмотрел меня с ног до головы, и его брови медленно сошлись на переносице. Какого черта им опять что-то не нравится! Проклятые брови не могли подняться вверх в благоговейном восхищении. Сволочи.

Мне просто вручили спящего ребенка и растворились в темноте коридора. И это все? А…а…а заметить, какая я красивая в этих шортах, какой у меня бюст и длинные ноги. Я, между прочим, модель, мистер Керук. И мужчины дерутся, чтобы я на них просто посмотрела. У меня три претендента на мою руку, и один из них сын князя Монако – Арман. А какой-то…какой-то деревенский мужлан хмурит брови и сваливает из комнаты, когда я едва появилась, с брезгливым выражением лица.

Ну и черт с ним. Чурбан. Я осторожно положила ребенка в кроватку, накрыла милым одеяльцем ЖЕЛТОГО цвета (опять какого-то непонятного – не розового, не голубого, а ЖЕЛТОГО, гендерная интрига прям). Стянув с себя шорты, я улеглась на кровать, и она показалась мне мягче перины. Я расслабленно закрыла глаза, блаженно натянула на себя пахнущее свежестью одеяло и подумала о том, что все не так уж и плохо, но едва я уснула, меня с постели поднял какой-то оглушительный звук. Вскочив, задыхаясь от ужаса… я вдруг поняла, что это плачет ребенок. Что? В три часа ночи? Они разве не должны мило спать в своей кроватке до утра?

Это была адская ночь. За эту ночь я узнала, что Джекки – девочка, потому что мне пришлось менять ей подгузник, и ничего страшнее в этой жизни я не делала. Мне никто не собирался помогать, и когда я носилась с орущим ребенком по дому, ОН даже не соизволил выйти из своей комнаты и спал мертвым сном. Распластался по кровати, и я не смогла его разбудить даже пинками, казалось, что он сдох. Я даже принюхалась…но от него пахло потом, навозом и каким-то ужасным парфюмом с сигарами. И что самое ужасное – этот запах не показался мне отвратительным. А еще он сопел, как сопят огромные мужланы…наверное. Казалось, от его дыхания трясется кровать и ножки вот-вот подломятся.

Со вздыбленными волосами, с ребенком я носилась по комнатам в поисках подгузников. Детский «человечек» промок насквозь, и я, растопырив пальцы, чтобы ни в коем случае не коснуться ЭТОГО, держала ребёнка на вытянутых руках.

В конце концов нашла подгузники в своей комнате на подоконнике. Каким чудом? Неизвестно никому, только Всевышнему. Это была интуиция, потому что детский плач лишил меня разума.

Водрузив ребенка на свою кровать, предварительно подстелив туда два полотенца из ванной, я замотала пол-лица, включая нос, косынкой и приступила к жутчайшему действу по смене этой гадости. Оооо, меня ждало много интересных сюрпризов, начиная с того, что Джекки девочка, и заканчивая тем, что она не только мокрая. Я открыла подгузник и снова закрыла, беспомощно оглядываясь по сторонам, И КАК Я ЭТО УБЕРУ? ЧЕМ? Надо было прихватить туалетную бумагу…Боже, за что мне это все? Пришлось вот так же на вытянутых руках нести ребенка в ванную, там, кое-как скорчившись, зажмурившись, прекратив дышать, я все это вымыла. Потом мы вернулись в комнату. Пока я проделывала все эти манипуляции, ребенок орал как резаный, я сама почти тоже орала и ревела вместе с ним. С ней. Мне казалось, я вся провонялась ВОТ ЭТИМ ВОТ…тем, что так тщательно мыла. Духу принюхаться к своим рукам мне не хватило.

Боже. Кейти, почему ты не играла в куклы? Почему не одевала их, не кормила из бутылочки? Почему ты любила рисовать и мальчишеские машинки? Неужели так трудно было играться пупсами?

В конце концов с горем пополам я на пятый раз правильно надела подгузник, потом мне показалось, что я точно сломаю ей ножки или ручки, но мне удалось натянуть ползунки и распашонку. Теперь я ходила из угла в угол по комнате и вспоминала какие-то песни, но мне ничего не лезло в голову и пришлось петь какую-то дурь. Как говорила моя мама, «о чем вижу, то пою». Я пела ей про шкафчик, про небо и про птичек, даже про то, что она не спит, а я вот-вот хлопнусь в обморок. Через полчаса ОНО уснуло. Это маленькое чудо от слова ЧУДОВИЩЕ. Крадучись на носочках, я отнесла ее в кроватку и тихонечко положила. Чувствуя себя героиней, легла спать. Проспала я, наверное, часик, и меня снова разбудила уже знакомая сирена. Теперь мы хотели кушать. Я накормила Джекки смесью и, сидя в кресле, уснула вместе с ней. Потом чуть не уронила, в ужасе проснулась и отнесла ее в кроватку. Часов в пять утра она проснулась снова…Зачем? Это известно только ей. Пришлось опять носить на руках и петь дурацкие песни. В шесть мы наконец-то уснули на моей кровати. И это был самый блаженный и долгожданный сон в моей жизни.

Меня разбудили солнечные лучи, которые скользили по моему лицу, и нежный детский голосок.

Приподнялась на локтях и посмотрела на Джекки…потом на часы. Божеееее…девять утра. Я спала всего три часа. Малышка рассматривала меня, а я ее. Голубоглазое существо оказалось невероятно милым с очень нежными щечками, маленьким ротиком и носиком кнопочкой. Во мне поднялась неизвестная мне волна умиления. Маленькая ручка хватала воздух, а потом ухватила меня за волосы, и ребенок улыбнулся.

– И чего мы вопили всю ночь?

– Гу.

– Орали, вертелись…

– Гу.

– Ну да. Потому что гу. Все ясно. – улыбаясь и сюсюкаясь, я задавала тупые вопросы, мне отвечали «гу» и, казалось, ничего более милого я в своей жизни не слышала.

Обмотавшись косынкой, как заправский ковбой или ниндзя, я снова поменяла подгузник, покормила Джекки смесью и уложила в кроватку, наивно рассчитывая, что она уснет. Но не тут-то было. Едва я водрузила ее на матрасик, маленький, розовый ротик приоткрылся, и оттуда вырвался такой вопль, что у меня задрожали коленки. И с трудом верилось, что всего пару минут назад это орущее демоническое существо нежненько гукало и трогало мои волосы. Под дикий ор я умылась, почистила зубы, чувствуя, что у меня вот-вот разорвется сердце. Прибежала в спальню, схватила малышку, и мы побрели на кухню. С радостью для себя я увидела там детское креслице-качалку и водрузила туда младенца.

У меня раскалывалась голова, болели руки и, мне казалось, что меня ночью переехал танк. Даже два. На кухонном столе меня ожидала записка. Знаете, как пишут доктора? Особенно, если хотят, чтоб у вас случился заворот мозгов? Вот мистер Керук писал еще хуже.

«Приготовь поесть, накорми курей, убери в доме. Буду к обеду».

Пыф. Всего-то. Ерунда какая. Подумаешь, приготовить поесть с вечно орущей Джекки, убрать В ДОМЕ! К ОБЕДУ! Это как? Он что думает – я гребаный Гарри Поттер? Или у меня есть фея, как у Золушки? Абра-швабра-кадабра, и все готово? А вот ЭТО куда деть? Оно опять орет!

Неет. Отсюда надо бежать. Надо делать ноги пока не поздно. Пока я не сошла с ума, и у меня не отвалились руки и ноги. Еще одну такую ночь я точно не переживу.

Отнесла ребенка в кроватку, положила рядом бутылочку.

– Прости… я не твоя мама. Я… я сама еще ребенок. Я не знаю, что мне с тобой делать. Я… я тебя до смерти боюсь. Так что мне пора. Ты… с ним как-то сама, как и раньше. А я… я поехала. Да. Вот.

Пока говорила, малышка мне нежно улыбнулась и засучила ножками, а потом закрыла свои ангельские глазки и уснула.

Чувствуя себя последней мразью, я прикрыла ее пледом и крадучись вышла из дома, не забыв прихватить рюкзак.

Курей покорми…Ага, ЩАЗ! Это не куры – это хищные твари, особенно их предводитель. Оглядываясь на петуха, я быстрым шагом побежала к калитке, выбралась наружу и пошла по проселочной дороге, потом остановилась и начала «голосовать» встречным машинам. Напротив меня притормозил пикап с милым старичком за рулем.

– Куда тебе, малышка?

– Мне в Сан-Антонио.

– Могу подбросить на автостанцию.

– Хорошо.

– Запрыгивай.

Я заскочила в машину, уселась на переднее сиденье и даже где-то в глубине души обрадовалась.

– Откуда идешь? Там вроде только поместье Керука?

– Я заблудилась. Ошиблась адресом.

– Аааа, а я думал, от него сбежала очередная нянька.

– Нянька?

– Ну да. Все никак бедняга няньку своей малышке не найдет. Скверная история. Керук родился в племени Навахо, потом после армии сюда перебрался с белой женой. Он прекрасный человек, но суровый со скверным характером и крепкий вояка. Но под его суровостью часто не видно, какой он на самом деле. Жена бросила их с сыном, когда тому лет семь было, умотала в Мексику с торгашом одним, с тех пор от нее ни слуху, ни духу. Сын у него много чего наворотил…потом на мотоцикле разбился и впал в кому, а невестка хвостом вильнула и бросила парня, кому нужен инвалид, да еще и внучку оставила. Не везет им с бабами. Родного ребенка… А Керук… ему говорили отдать детку в

приют, а он…Эх хорош человек. Забрал ее. Сам нянчится. Трудно ему вояке с дитем. Няню искал и так и не нашел. С ним не ужиться, он же контуженный был. После контузии оглох, а потом и онемел…

Я судорожно сглотнула и стиснула руки в кулаки. Сердце сильно и гулко забилось.

– Платить много не может. Отловом мустангов много не заработаешь…А сын долгов наделал. Вот и живет совсем один, малышку растит, из-за нее и работать толком не может.

Пока он говорил, я нервно мяла в руках рюкзак и смотрела в одну точку, а потом вдруг неожиданно и для самой себя сказала:

– Вы не могли бы развернуться обратно…?

Глава 6

Я вбежала в спальню. Джекки не плачет, смотрит в потолок, гукает тихонечко, я наклонилась и схватила ее на ручки, прижала к себе. Сердце гулко-гулко бьется, а в ушах слова эти снова и снова прокручиваю. О немоте его…о том, что один совсем остался, о том, как все сбегают и я в том числе. Да и куда мне идти? Как папа говорил – я сильная, и я смогу со всем справиться.

Так, если действовать по плану, у меня все получится. Что он там сказал сделать? Приготовить ужин? Ютуб мне в помощь. Пароль от вай фая оказался написан на холодильнике, и это было имя Джекки. Не густо у вас с фантазией, мистер Керук. Вообще скажите спасибо, что я вернулась, могла и свалить в туман, как говорила моя подруга. Так, нужно найти что-то полегче. Вот. Быстрый борщ, который заставит вашего мужчину облизывать пальчики.

Что мне для этого надо? Ага, картошка. Я ее видела в ящике под столом, свекла, морковка. Не, ну а что. У меня все получится. Я даже пирог испеку…ну или сделаю в микроволновке.

Плевое дело эта ваша готовка. Странная она…блогерша эта, зачем все кидать по очереди? Это же долго. Я сейчас все в кастрюлю нашвыряю, и оно вместе сварится…Ну капусту у меня так мелко не получится нарезать…и средне не получится. Чеееерт. Я же без пальцев останусь, или борщ с человечиной будет помимо говядины.

Что это там пузырится и пеной исходится? Неее, мы так не договаривались. Аааааааа, оно вытекает из кастрюли, потушило газ. Все, мы сейчас взорвемся.

Я вылетела за Джекки, схватила ее на руки и вместе с ней мы выскочили на улицу. Там я около часа ждала пока взорвется дом Керука. Но он не взорвался…Пока. Я положила Джекки на сено и пошла глянуть одним глазком, что происходит на кухне. Кроме заляпанной печки ничего криминального не обнаружила, потыкала вилкой в картошку, в мясо и решила, что борщ сварился. Это у той блогерши он варится больше часа. А у меня вот давно готов. А папа говорил, что готовить трудно, и я должна благодарить нашу повариху. Ленивые дуры. Пять минут готовят, а потом хотят, чтоб их восхваляли. Я вон борщ сама сварила. За полчаса. Жаль, за это Оскара не дают. Я б давала. За каждый борщ по Оскару.

Покормила Джекки, но положить себя обратно в кроватку она не дала. Я таскала ее на руках, а второй рукой елозила тряпкой, придерживая ее двумя пальцами за краешек и вытирая печку. Точнее, шлепая по ней с размаху, чтоб не дай Бог тряпка не коснулась моих ладоней. Размазала жир, бросила тряпку в раковину. Вымыла руки. Потом я подмела пол веником, найденным на улице, и мы вместе с Джекки пошли кормить курей. Хлебом. Ничего другого я для них не нашла.

Теперь надо было как-то придумать куда деть Ки…Кики, чтоб она не орала. Да, я придумала ей имя. Уже можно. Если я решила остаться, и она теперь моя якобы дочь, у нее будет другое имя. Джекки как-то слишком официально и ей не подходит, а вот Кики очень даже…я бы назвала ее Кака после того, что она навалила мне кучу в памперсы, и я чуть не задохнулась от ядерной атаки ее детского организма (вроде бы ест одно молоко, а такое впечатление, что она питается дохлыми жабами), но решила, что мистеру Керуку это не понравится.

Безуспешно пытаясь уложить Ки спать или в детское креслице, в кровать, на пол, на диван, я все же соорудила некое подобие повязки из длинного клетчатого шарфа и привязала ее к себе, как было показано в ютубе. Это заняло время. Я вспотела, она орала и тоже вспотела, но, когда я закончила, Ки уснула

в подобии гнездышка у меня на груди, а я вышла во двор. В одной руке держала миску с хлебом, а в другой швабру, которой собиралась сразиться с петухом.

Мелкой перебежкой, выглядывая из-за угла, сжимая швабру потными пальцами, я выслеживала пернатую тварь. Он точно где-то здесь. Только и ждет, чтоб я вышла.

Крадучись я пошла к курятнику.

– Цыпа-цыпа-цыпа…

Оглядываясь по сторонам. Где же он? Может, его утром зарезали и бросили в морозилку? Или я зря мечтаю? Но петуха нигде не было видно. Спрятался сволочь. Испугался. Правильно. Со мной лучше не связываться.

В эту секунду что-то больно кольнуло мою ногу, я подпрыгнула от ужаса, увидела, как расправив крылья, зверопетух бросился в мою сторону, уронила миску с хлебом и помчалась в сторону дома вместе со шваброй. И уже из-за двери увидела, как этот гад жрет хлебушек, а вместе с ним и толстые квочки.

– Козлина! – зашипела я и посмотрела на припухшее место, куда петух клюнул. Стало себя ужасно жалко, и я похромала на кухню.

Отвязала от себя Ки и вместе с перевязью уложила в кресло, обставила подушками, чтоб не укатилась, и решила все же исследовать дом. И манила меня к себе его комната…Как будто там все тайны мира спрятаны. А они и спрятаны в этом доме и, если я хочу задержаться, я должна все их узнать. Иначе рано или поздно меня расколют и вышвырнут на улицу.

Я рассматривала вырезанные из дерева фигурки, стоящие на высоком комоде, нанизанные на леску разные по размерам звериные клыки, нож с костяной ручкой и выбитыми на ней рисунками, изображающими человечков, похожих на наскальную живопись.

В рамках стоят фотографии, на одной из них Керук в полицейской форме держит какой-то кубок, на второй сидит верхом на лошади. На нем ковбойская шляпа, из кобуры торчит пистолет, к луке седла привязано лассо. На третьей он вместе с

молодым парнем. Очень худым с длинными волосами. Наверное, это его сын…отец Джекки и мой муж по совместительству. Взгляд потерянный, на губах ухмылка. У нас про таких говорят «торчок», и это сразу видно. На многих фото Керук вместе с сыном. Где-то он совсем маленький, где-то подросток. Видно, что отец очень заботится о нем.

На многих фото у Керука длинные волосы, завязанные в жгуты и уложенные в хвост на затылке. Так он больше похож на индейца. Представила его себе полуобнаженного, скачущего по прерии на коне, с перьями в волосах, и внутри стало горячо…потому что скакал он ко мне, а солнечные лучи бросали блики на его смуглое сильное тело, лоснящееся от пота. Я тряхнула головой и вдруг услыхала, как хлопнула калитка, выронила фото, снова поставила, оно опять упало, но я все же приткнула его как-то сбоку и, выбежав из спальни, бросилась к окну.

Керук вернулся домой верхом на жеребце шоколадной масти с красивым белым хвостом и белой гривой. Полковник ловко спешился, так, что пыль клубком вылетела из-под массивной подошвы сапог с узкими носками. Он отвел коня в стойло и пошел в сторону дома. Походка у него быстрая, отрывистая, ноги длинные и мускулистые, обтянутые мягкими светлыми джинсами, на узкой талии широкий кожаный пояс и свободная рубашка с пятнами пота под руками облепила массивный торс и огромные сильные руки. Мне даже показалось, что от каждого его шага содрогается земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/malen-kaya-lgun-ya-dlya-bol-shogo-polkovnika

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити